

Актуальность. Теория валентности является одной из ведущих в современном языкознании. Она появилась в связи с изучением, исследованием семантико-синтаксической и функциональной активности слов в речи. Изучение слова в речи, его сочетаемостных возможностей, составление семантических синтагм для раскрытия лексической семантики – все это легло в основу теории валентности (7, 88). Валентность слова как субстанциально-семантический факт связана со значением слова и реализацией его значения в конструкциях предложения. В этом отношении характерно мнение С.Д. Кацнельсона, который в конце 40-х годов ввел в языкознание понятие валентности. “Валентность – свойство слова, осуществление синтаксического отношения слова с другими словами на основе своего значения” (7, 89). Иными словами, “в теории валентности обозначаются особенности определенного слова соединять в себе одно, два или больше слов” (7, 89).

Аннотация. Объективность и научно-практическая значимость теории валентности определяется лексико-семантическим потенциалом слова. Семантика, являющаяся «душой», «духом» слова, обеспечивает его соединение, сочетание с другими словами. (31, 200). Словосочетания, предложения как единицы речи должны рассматриваться через семантическую возможность слов соединяться в речи с другими словами как отношение валентности, что подчеркивает большое научно-теоретическое значение теории валентности для языкознания.

Таким образом, валентность оценивается при субстанциональном подходе к слову как внутренняя возможность слова быть распространенным в речи, как определенная семантико-синтаксическая особенность, присущая слову.

Методы. Сравнительно-лексическая, сопоставительная, синхронная

Введение. И словосочетания, и предложения непосредственно связаны с валентностью слова. Следует учитывать, что соединение слов в речи не абсолютное явление, а относительное, т. к. слова соединяются в предложении не со всяким словом, предусмотренным грамматической моделью, а лишь с некоторыми из них” (7, 47). Возможность соединения слов между собой ограничена, что находится в зависимости от семантической потенции каждого слова. Точнее, валентность существует на основании

лексического смысла слова (23,14), т.е. слово имеет валентность на основании логических сем лексического значения. Если сказуемое в предложении выражено глаголом, то валентность предиката определяет модель предложения (33, 99).

Из сказанного следует, что всякая синтаксическая связь должна рассматриваться как реализованная валентность, которую определяет валентность глагола в функции предиката. В речи семантика одного слова, чаще всего глагола, вступает во взаимоотношения с семантическим составом всего предложения.

Трактовка валентности в работах русских, узбекских языковедов и тюркологов. Термин «валентность» происходит от латинского слова «*valentia*», что означает сила», «потенциал». Хотя валентность признается многими учеными как возможность взаимосвязи языковых единиц, нов лингвистике одно и то же понятие интерпретируется по-разному. В частности, И.Г.Ольшанский рассматривает валентность как возможность языковых явлений и утверждает, что соединение является синтагматическим выражением валентности (17). С.Д.Кацнельсон трактует “валентность” и “сочетаемость” как синонимы (7,63). В.Г.Адмони использует термин «комбинация» в русском языке, чтобы подчеркнуть, что «необходимое сочетание уровней и форм слов» играет важную роль в формировании общих синтаксических единиц (2, 25). И.Эрбен приравнивает термин «*Wertigkeit*» (возможность) к термину «*Valenz*» (валентность) (32, 232). В своих ранних работах Г.Хельбиг под термином «валентность» понимает количество актантов глагола, определяет морфологическую и семантическую среду глагола термином «дистрибуция» и предлагает называть возможность присоединения частей речи к другим частям речи «возможность присоединения» (*Fügüings* - потенция) (34, 6).

В своей монографии Р.Расулов дает конкретное определение валентности: «Валентность – это внутренняя возможность, если есть потенциал, синтаксическая связь – это ее возникновение. Если валентность – это языковое явление, то синтаксическая коммуникация – это речевой феномен. Валентность – это, по сути, феномен синтаксической коммуникации. Если валентность общая, синтаксическая коммуникация специфичная. Если валентность является причиной, синтаксическая связь является результатом (21, 23).

На наш взгляд, в развитии теории валентности можно выделить два этапа:

1. Имплицитный этап (период с древнейших времен до конца XIX века).
2. Эксплицитный этап (период с конца XIX века по настоящее время).

Поскольку развитие теории валентности не изучалось ни в одной работе в такой интерпретации, остановимся на них детально.

Сочетание слов с другим словом в определенной грамматической форме по значению было также известно древнеиндийским, греческим и арабским лингвистам. Эта особенность слова лежала в основе образованных в древности понятий «управление» и «соглашение», а также в основе деления глаголов на переходные и непереходные (16, 32).

Особенно это касается европейской лингвистики. В частности, А. Добиаш в своей работе «*Синтаксис Apollonia Discola*» выдвигает важную точку зрения на счет теории валентности. Он подчеркивает свою крайнюю доброжелательность ко многим идеям древнегреческого ученого Аполлония Дискола в своей лингвистической работе. Он согласен с А.Дисколом в необходимости синхронизации синтаксиса с семасиологией. Это связано с тем, что А.Дискол считает основной задачей синтаксиса выявить и объяснить любые закономерности сочетания слов, способов объединения слов в речи целом (5, 10). А.Добиаш, в свою очередь, на основании мнений А. Дискола заключает: «При разделении слова на части речи важнейшим критерием следует считать его значение, способность прикреплять к себе другие слова» (5, 13). А. Добиаш выдвигает следующую идею, которая выражает сущность валентности: «Слова связаны друг с другом в речи по своему значению. Слово А само по себе представляет неполное значение: само по себе, на

математическом языке, оно включает не только известное, но и неизвестное X. Это следует обозначать словом V. Таким образом, при определении значения слова важно не забывать о его способности присоединять к себе другие слова». (5,14).

Значит, А.Добиаш данной идеей обосновал, что сочетание слов, то есть валентность, играет важную роль в полном освещении его смысла. Немецкий лингвист К. Зайдель в своей статье приводит очень красивую, образную мысль грамматика Петра Гелийского, жившего в XII-XIII веках: «Как князь командует армией, так и глагол командует главным предлогом. Глагол - князь предложения» (35, 273). Также К.Зайдель в данной статье осветил мысли ученый XV и XVI веков Мэтью Гербена, который описал глагола как составляющего предложение и определяющего значение слова в зависимости от его валентности (35, 273). К.Зайдель также ссылается на тот факт, что некоторые немецкие грамматик XVI века отвергли вербоцентрическую идею, но позже все равно приняли ее (35, 276). Статья К. Зайделя доказывает, что феномен валентности также находился в центре внимания лингвистов XII-XVI веков.

В статье С.М. Кибардиной указывается, что в трудах немецких лингвистов И.В.Майнера, И.Х.Аделунга, В.Гумбольдта, Г.Бауэра, Ф.Керна, Г.А. Шиотензака, Г.Пауля, О.Бехагеля, Г.Вундерлика существуют идеи вербоцентрической теории предложения, это доказывает, что основы валентности существуют и в XIX веке тоже (12, 181-210).

В статье В.С. Храковского подчеркивается, что в трудах русских языковедов XIX века Н.И. Греча, В.И. Классовского, М.П. Перевлеского, А.Х. Востокова, А.А. Потебни, Д.И.Овсяннико-Куликовского, А.Дмитриевского есть зачатки вербоцентрической идеи, результатом которой является теория валентности (28, 110-119).

Русский ученый XIX века П.М. Перевлеский писал, что: «...из них подлежащее есть член подчиненный, а сказуемое — подчиняющий; потому что сказуемое составляет собственно содержание предложения и выполняет главную цель и задачу суждения — определить частное через общее. Оттого нередко целое предложение выражается одним сказуемым, а подлежащее в нем пропускается (28, 114). В.И.Классовский пишет: «... по значению... своему в предложении сказуемое важнее подлежащего. Вследствие этой важности сказуемого целое предложение может быть выражено одним сказуемым, напр.: *Смеркалось. Зарябилов глазах.* Здесь подлежащее до того неопределенно, что в грамматике даже считают его вовсе не существующим» (28, 115). Мысли П.М.Перевлеского созвучны с размышлениями И.И.Давыдова, В.И.Классовского и А.Потебни. В частности, вербоцентризм является основой, сутью синтаксической концепции А.Потебни. Он пишет: «Наиболее самостоятельный член предложения есть сказуемое, которое одно может обойтись без всех прочих членов» (18, 215).

Идеи А.А.Потебни о вербоцентричности предложения развивает его ученик Д.И.Овсяннико-Куликовский. С его точки зрения, «важнейшая часть предложения это сказуемое, иначе называемое предикатом. Оно-то и есть носитель и выразитель того движения мысли, которое известно под именем предикативности (предикативности, сказуемости) и без которого предложение невозможно» (28, 115). «Необходимым носителем сказуемости (предикативности) является глагол» и «без глагола или, по крайней мере, без глагольности нет предложения» (28, 116). Таким образом, для Д.И.Овсяннико-Куликовского, как и для А.А.Потебни, доминирующим членом предложения является сказуемое, без которого «не может быть предложения, между тем как все прочие части могут отсутствовать. Так, «светает», «морозит», «тошнит» это предложения, состоящие из одних сказуемых» (28, 116). Эти мысли не утратили актуальность и сегодня.

А.А. Дмитриевский уже в XIX веке признал сказуемое единственным главным членом предложения (28, 116). По мнению Потебни, это утверждение имплицитно

высказал уже А.Дмитриевский: «...хотя г. А.Дмитриевский и не назвал прямо подлежащее второстепенным членом, все-таки *minimum* предложения он признает в одном сказуемом, а не в сказуемом и подлежащем» (18, 116). Аргументацию этого утверждения А.А.Дмитриевский находит в том, что роль подлежащего при одних сказуемых аналогична роли дополнений при других. Он пишет: «...как для одного сказуемого ближайшее - подлежащее, так для другого ближайшее - какое-либо из дополнений и столь же важно для него, как подлежащее для первого. Значит, подлежащее играет столь же второстепенную роль в предложении, как и дополнение» (28, 116). Еще один аргумент А.А.Дмитриевского заключается в обратимости подлежащего и дополнения, т. е. в том, что эти члены предложения в ряде случаев могут меняться местами. Имеются в виду примеры типа *Мне жаль < Я жалею* и т. п.

А.А.Дмитриевский не строит иллюзий относительно того, что его мысль о второстепенности подлежащего найдет последователей. Он пишет: «Я уверен даже, что и многие педагоги, и, может быть долго будут чтить подлежащее как бога- громовержца, главного и единственного громовержца сказуемого. Ну и благо им!» (28, 116). Автор подчеркивает, что многие добросовестные научные заблуждения живут века, приводя в качестве одного из примеров историю открытия вращения Земли вокруг Солнца и сопоставляя картины мира Птолемея и Коперника. А.А.Дмитриевскому принадлежит образная динамичная характеристика предложения, в соответствии с которой «...предложение есть драма, представление мысли посредством слова, которое является как бы актером того действия, которое есть мысль» (28, 117). И далее: «Предметы-дополнения - действующие лица сцены; обстоятельства-сама сцена, а предложение -драма мысли» (28, 116). Очень любопытно, что к сравнению предложения с театральным представлением спустя почти столетие прибегает в своем «Структурном синтаксисе» известный французский лингвист Л.Теньер, с именем которого обычно связывают создание вербоцентрической концепции предложения (28, 116). Сходство идей, развиваемых А.А.Дмитриевскими, Л.Теньером, а главное, сходство формулировок позволяет думать, что Л.Теньер был знаком с творчеством А.А.Дмитриевского. (28, 116).

В частности, русские лингвисты XIX века связывают идеи вербоцентризма непосредственно со сказуемым, выражаемым глаголом, и в своих трудах трактуют сказуемого как единственный главный член предложения.

Вывод из приведенных выше соображений состоит в том, что идея вербоцентризма в лингвистике и, вытекающая из этого теория валентности, возникла не в середине XX века, а ее корни уходят в древние времена.

С конца XIX века можно обозначить эксплицитный этап в развитии теории валентности. Этот этап делится на три:

Первый этап - конец XIX века - 20 -е годы XX века;

Второй этап - 20-50-е годы XX века;

Третий этап - (с 50-х годов XX века по настоящее время).

На первом этапе в работах немецких лингвистов И.Гейзе и О.Бехагеля деление глаголов на «абсолютные» и «относительные» (т. объектные и не объектные) можно интерпретировать как возникновение «значения» пропорциональному понятию валентности (38, 35).

На втором этапе возникло понятие и соответственно термин «валентность». В своих работах немецкий лингвист К. Бюлер пишет о возможности одной категории слов для создания «открытых мест» для слов другой категории» (38, 37).

В трудах русского лингвиста А.М.Пешковского также содержатся последовательные представления об управлении глаголов. В частности, эти идеи отчетливо просматриваются в произведении ученого «Русский синтаксис в научном освещении» (19).

В 30-х годах XX века первый узбекский профессор – лингвист Абдурауф Фитрат также уделяет особое внимание сказуемому в своих лингвистических исследованиях и подчеркивает, что именно от него зависит количество дополнений в предложении (13, 12).

Третий этап развития теории валентности, с точки зрения начала, несомненно, связан прежде всего с французским лингвистом Л. Теньером. Л.Теньер ввел термин «валентность» в лингвистику, то есть он разработал теорию валентности в 50-х годах XX века в контексте грамматики зависимостей. Л. Теньер сравнивает способность глагола принимать и удерживать актанты вокруг себя со свойством атома в химии, и, в аналогии с которым, он называет это явление «валентностью». Л.Теньер в своей книге «Основы структурного синтаксиса» подчеркивает важность в выражении мысли синтаксическую коммуникацию, основанной на валентности. Он пишет: «Именно синтаксическая связь превращает предложение на живой организм, даёт ему жизненную силу и энергию. Следовательно, концепция синтаксической коммуникации является основой структурного синтаксиса»(20, 60). Он назвал в первой части раздел «Книгу Г» - «Валентность» и изучил 1, 2, 3-валентные глаголы на основе французских и немецких предложений(20, 97-119).

Учение Л. Теньера продолжили немецкие лингвисты Г. Бринкман, И. Эрбен, П. Греббе, И. Вайсгербер, В. Шмидт, Г. Хельбиг, а также русские лингвисты В.Г. Адмони, М.Д. Степанова, Б.А. Абрамов, Н.И. Филичева, И.С.Рахмакулова.

Развитие теории валентности в русской лингвистике связано с работами С.Д.Кацнельсона. Он пишет: «Валентность – это проявление слова в определенном образе в речи и его связь с другими словами» (8, 132).

В целом понятие валентности в трудах русских лингвистов трактуется широко. То есть, в то время как большинство немецких лингвистов считали это признаком глагола, то русские лингвисты подчеркивали, что валентность характерна для всех частей речи. В частности, С.Д.Кацнельсон в статье «К понятию типов валентности» пишет: «...валентностью обладают не только глаголы, но и существительные, союзы и предлоги (под, над, в, из, на)(8, 23).

Понятию валентности также уделяется особое внимание в книге О.И.Москальской (15). О.И.Москальская как и В.Г.Адмони исследует отношение валентности с разными частями речи, выделяет «правую» и «левую» (пассивную и активную) валентность и связывает её с трансформацией распространенного предложения. Также О.И.Москальская указывает, прилагательное тоже имеет свою валентность (15, 39-71). Следовательно, О.И.Москальская трактует валентность иначе чем В.Г.Адмони, ведь он трактовал валентность с точки зрения вербоцентрической теории.

Профессор М.Д. Степанова занимает особое место в развитии теории валентности в русском языкознании. Она написала множество работ, посвященных теории валентности (24).

М.Д.Степанова связывает «внутреннюю» и «внешнюю» валентность с словообразованием, в частности, она и в своей докторской диссертации обосновала, что слова, именно благодаря своей «внутренней» валентности, принимают те или иные аффиксы. Данная идея М.Д.Степановой нашла свое отражение и в некоторых работах узбекских языковедов, как Ё.Гаджиев и М.Журабаева (25).

В русском языкознании также есть статьи о возможности сочетания фонем и морфем (5,133). Специальный труд по изучению валентности в сложных предложениях написаны именно в русском языкознании (26).

В русской лингвистике валентность также рассматривается и в сравнительном аспекте (100). В русской лингвистике также исследованы об отношении валентности и компьютерной лингвистики (14).

В исследовании Г.М.Гайсиной анализируются семантические и валентные свойства реляционных глаголов (6). В статье Ф.С. Бацевича «Референтная отнесенность имен субъектов и специфика выявления глагольного действия» рассматривается специфическая семантика некоторых глаголов действия в русском языке, ее влияние на валентность и речевые модели (3). Л.Н.Чумак в своей статье «Реализация культурного компонента значения на синтаксическом уровне пишет, что «Осознание культурной составляющей значения синтаксического уровня» размышляет о существовании социокультурной (социокультурной сочетаемости) в современном русском языке, помимо грамматико-синтаксических, семантико-лексических связей» (30, 67-82). Мы считаем это верным, потому что социокультурная сочетаемость также имеет свое место и статус. В.П.Берков в своей статье «О словарях XXI века (из лексикографической футурологии)» говорит о недостатках современных словарей: «Большинство современных словарей не могут показать сочетаемость слов. Очень надеюсь, что этот недостаток в словарях XXI века обязательно будет исправлен (32,65-69). И в последние годы в России осуществлены глубокие исследования по изучению валентности разных единиц языка (33).

Валентность многосторонне исследована и в тюркологии тоже. В частности, докторская диссертация тюрколога А.А. Цалкаламанидзе «Валентность глаголов в мире семантических и синтаксических свойств (на материале тюркских и узбекских языков)» турецкие и узбекские глаголы разделены на семантические группы (56 групп) также указаны какие валентности они имеют. По мнению ученого, можно выделить 3 типа семантической валентности изучаемых глаголов: обязательная, необходимая и факультативная (34, 34).

Изучение валентности глаголов в узбекском языкознании было начато И.Кучкартаевым. Его монография о валентности речевых глаголов имеет огромное научное значение. В данной монографии в первой главе речевые глаголы классифицируются в соответствии с их семами, в следующей главе исследуются их валентности (агент, контрагент, объект, содержание, цель, адресат) (29).

Несомненно, лидером изучения валентности в узбекском языкознании является профессор Р.Расулов. Докторская диссертация Р.Расулова о валентности глаголов состояния имеет большое научное, теоретическое и практическое значение. В докторской диссертации Р.Расулова и в ряде его монографий значения глаголов состояния классифицируются в соответствии с их основной семой, затем исследуются в соответствии с промежуточной семой и, наконец, определяются дифференциальные семы (21).

Р.Расулов исследовал глаголы состояния на основе семантической валентности и доказал, что семантическая структура значения слова определяет семантическую валентность слова. Этими идеями Р.Расулов внес ясность и полноту в идею семантической валентности Г. Хельбига.

Профессор-тюрколог М.З.Закиев высоко оценил исследования Р.Расулова и отметил следующее: «Таким образом данная работа первый (и весьма удачный) шаг в теоретическом осмыслении собранного большого и разнообразного материала в узбекском языкознании. Автор будет иметь целый ряд последователей, работающих в этой новой для узбекского языкознания (да не только узбекского, но и в тюркском в целом) направлении». Действительно, в следующие годы в узбекском языкознании появились многие докторские и кандидатские диссертации, посвященные изучению валентностей разных частей речи (27).

По словам Р.Расулова, проблема валентности глагола в узбекском языкознании полностью решена, и пора изучать валентность других частей речи. Мы также поддерживаем его мнение.

Виды валентности в узбекском языке.

Как было выше подчеркнuto, валентность существует на основе лексического значения слова. Точнее, лексическое значение слова приобретает валентность пропорционально тому, какую логическую семантику оно имеет. Если часть речи является глаголом, его валентность, то есть сказуемое предложения, определяет модель предложения. Именно поэтому М.Д.Степанова пишет, что «... глагол - основа предложения, от него зависят все остальные его члены и даже подлежащее» (24,14). Г.Хельбиг также в своей специальной статье проанализировал, что валентность основана на семантике слова, а модель предложения зависит от валентности. Значит, любую синтаксическую связь следует рассматривать как реализованную валентность. То есть формирование синтаксических отношений определяется валентностью. В речи семантика конкретного слова, скорее глагола, взаимодействует со семантической структурой всего предложения. Такова природа речи.

Глагол – сказуемое на основе своей валентности принимает свои собственные актанты в зависимости от ситуации. То есть здесь проявляются семы в семантике глагола. Актанты, с другой стороны, служат определенной частью речи. Актант определенной валентности – это также определенная часть речи. Таким образом, валентность рассматривается с двух точек зрения и изучается по двум типам: 1) семантическая валентность; 2) синтаксическая валентность.

Семантическая валентность основана на логической семе семантики слова. Эта сема согласуется с логической семьей значения другого слова. Следовательно, слово сочетается со словом, с семантикой которого совпадает его семантика. Эта считается его семантической валентностью. В связи с этим Г. Хельбиг пишет, что «семантическая валентность основывается на сочетании значений отдельных сем» (33, 99). Здесь необходимо отдельно упомянуть возможности глаголов. Глагол может не только показывать действие, но и предварительно указать всех исполнителей и участников этого действия, прошедшее действие и всю ситуацию. Эта возможность глагола интерпретируется как его семантическая валентность (7, 47).

В.А. Каримджанова же, размышляя о семантике составных глаголов, указывает, что для сочетания с глаголом слова должно иметь с ним общую сему, т.е. классему, или же семантическая валентность другого актанта должна совпадать с семантической валентности глагола (11, 7). То есть в логических семантических валентностях принимаются определенные контекстные партнеры с определенными семантическими характеристиками, а контекстные партнеры с другими семантическими характеристиками не «распознаются». Семантическая, то есть семантическая структура валентности – это структура мышления, такая как предикат и его аргументы, выраженная в терминах формальной логики. Следует отметить, что, говоря о логической семантике слова, мы имеем в виду только его денотативную семантику. Они только создают семантическую валентность.

Семантическая валентность основывается на логических семах семантики слова. Эти семы согласуются с логическими семами значения другого слова, в результате у данного слова проявляются возможности сочетания с другим словом (на основании согласованных сем). Это считается его семантической валентностью. Г.Хельбиг писал: “Семантическая валентность основывается на скрещивании отдельных сем значения” (33, 101). Здесь необходимо особо отметить валентностные потенции глагола. Глагол имеет возможность не только называть действие, но и указывать участников, исполнителей, а также содержит в имплицитном виде возможные обстоятельственные ситуации осуществления действия. Эти возможности глагола реализуются как его семантическая валентность” (33, 99).

Необходимо подчеркнуть, что под логическими семами лексического значения слова, мы понимаем только денотативные семы данного слова. Именно они образуют семантическую валентность.

Итак, если всякая синтаксическая связь – это реализованная валентность, валентность можно анализировать и с точки зрения синтаксиса. Л.Теньер, основатель теории валентности, начинал свои исследования именно с этой позиции. Он считает, что в центре предложения находится глагол- сказуемое, а подлежащее не является главным членом предложения (36, 37). Он распределяет валентности в таком порядке: подлежащее является первым, прямое дополнение – вторым, косвенное дополнение – третьим реализатором глагола – сказуемого. Теньер не включал другие члены предложения в валентности глагола-сказуемого. Если первоначально синтаксическая валентность трактовалась только как сочетаемость глагола с подлежащим и дополнением, то позднее круг “участников” значительно расширился за счет включения всех необходимых по смыслу добавлений к глаголу, в первую очередь – структурно обязательных обстоятельств. С точки зрения С.Д. Кацнельсона, возможность принятия определенного аффикса переходного глагола – это и есть формальная (синтаксическая) валентность (7, 57). В данных взглядах не учитывается семантико-синтаксическая асимметрия членов предложения.

Здесь существенным является предположение Бринкмана о том, что в процессе перехода между подлежащим и сказуемым устанавливается “тайная” связь, особенно проявляющаяся в том, что глагол-сказуемое, переходя в пассив, принимает функции подлежащего (37, 86). Обмен функциями членов предложения происходит соответственно законам речи. Этот процесс наблюдается и в тюркских языках, особенно в узбекском. Исходя из этого, необходимо исследовать актант реализующей валентности, основанной на семантике глагола – сказуемого, а также внедрение актантов в синтаксические члены предложения. При этом мы разделяем точку зрения В. Бонцио, который не признаёт синтаксическую валентность, а считает, что существует лишь семантическая валентность (31,86).

Г.Хельбиг указывает, что существует также и логическая валентность. “Логическая валентность, - пишет он, - это отношения понятий, не присущие языку (33,100). В данной валентности слова сочетаются не на основе сем, а на основании логики, то есть слова здесь сочетаются на основании логического восприятия. Например, в сочетаниях *ichgehe*, *я пришел* глаголы *gehen*, *пришел* не имеют валентности, требующей 1 лица единственного числа. Понятно, что данные действия может исполнить человек, именно поэтому эти глаголы вступают в синтаксическую связь с местоимением 1 лица единственного числа (значит, логическая валентность для этих языков конкретно существует). По фактам же тюркских языков, в частности узбекского, логическую валентность доказать невозможно. Например, *келдим* в узбекском языке считается минимальной моделью предложения. Это слово и есть простое предложение с конкретным лицом – *дим*, (морфологическая форма сказуемого), указывающее на подлежащее в предложении. Подразумевается

местоимение *мен*. С помощью данного аффикса мы можем реализовать, и валентность времени. Значит, на основе этого выявляется актант валентности времени. Эту валентность можно внедрить в залого глагола. Семантика форм залогов глагола проявляет свою валентность в этом же глаголе. Из сказанного следует, что логическая валентность, открытая Г. Хельбигом и одобренная многими лингвистами мира, присуща индоевропейским языкам, а в тюркских языках, в частности в узбекском, её нет. Вместо нее в тюркских языках существует валентность морфологической формы слова, т. е. по морфологической форме слова можно будет определить его валентность. Эта валентность присуща также хамитским языкам.

Выше были отмечены виды валентности, основанные на семантике лексических единиц (семантическая валентность) и на семантике слова в коммуникации (валентность морфологической формы слова). Есть ещё один вид валентности слов, но основа этой валентности является проблематичной. Например, конструкции *ўқинишун мактабга бормоқ* (идти в школу, чтобы учиться) или *харидучун бозорга бормоқ* (идти на рынок для покупок) правильны с точки зрения грамматики и логики. Но за счёт какой валентности глагола актанты сочетаются с глаголом? Очевидно, за счёт целевой валентности глагола, но в этой семантической валентности слова соединяются опосредованно. Рассмотрим этот процесс детально. Семы глагола *бормоқ* (*идти*) не образуют классему с семемами слов *ўқимоқ* (*учиться*) и *харид* (*покупка*). Семы значения *ўқимоқ* (*учиться*) составляют *получить образование; освоение*, а семы смысла *харид* (*покупка*) – *получить что-то, заплатив*. Они не имеют ничего общего с семемами глагола *бормоқ* (*идти*). В этих конструкциях глагол *бормоқ* (*идти*) также управляет словами *мактаб* (*школа*) и *бозор* (*рынок*). Слово *бозор* (*рынок*) обозначает *место, где что-то продается и покупается*; слово *мактаб* (*школа*) составляют семы *место, где получают образование*. Очевидно, что глагол *бормоқ* (*идти*) образует классему «место» со словами *мактаб* (*школа*) и *бозор* (*рынок*). Т.е. этот глагол на основании валентности *места* вступает в синтаксическую связь с актантами *рынок* и *школа*. Слово *рынок* образует классему с глаголом *покупать*, по семеме *что-то покупать*; а слово *школа* образует классему со словом *учиться* по семеме *образование*, и они на основании этого вступают в синтаксическую связь. Очевидно, что глагол *бормоқ* (*идти*) хотя и опосредованно управляет словом *ўқимоқ* (*учиться*), но сочетается с ним посредством слова *мактаб* (*школа*). Такая же ситуация – со словом *харид* (*покупка*). Глагол *идти* управляет словом *покупка*, но он состоит в семантической связи с этим словом при помощи слова *рынок*. Т.е. валентность глагола *идти* проявляется посредством актанта валентности места. Здесь валентность сочетается с аргументом, обозначающим цель только при посредничестве актанта места. Поэтому эти конструкции нельзя построить следующим образом: *харидучун мактабга бордим* (*идти для покупок в школу*) или *ўқинишун бозорга бордим* (*идти на рынок, чтобы учиться*). Исходя из этого положения, данную валентность глагола следует назвать «опосредованной» т. к. она опирается на семантику актанта валентности места, т.е. при помощи его семантики сочетается с аргументом, который обозначает цель. Опосредованная валентность присуща не только тюркским языкам, но также и хамит-семитским языкам.

Заключение. Итак, глагол-сказуемое на основе своей валентности принимает свои собственные актанты в зависимости от ситуации. Т.е. здесь проявляются семы в семантике глагола. Актанты, с другой стороны, служат определенной частью речи. Актант определенной валентности – это также определенная часть речи. Таким образом, валентность рассматривается с двух точек зрения и изучается по двум типам: 1) семантическая валентность; 2) синтаксическая валентность. Но в узбекском языке есть и другие виды валентности. Первым двум видам валентности в узбекском языкознании

освящено немало публикаций. Нами предпринята попытка определить и исследовать своеобразный вид валентности в узбекском языке – т.е. опосредованную валентность.

Из выше сказанного следует, что в узбекском языке существуют следующие виды валентности:

- 1) лексико-семантическая валентность;
- 2) валентность грамматической (морфологической) формы слова;
- 3) опосредованная валентность.

Литература

1. Синтаксические потенции глагола (в сопоставлении с потенциями других частей речи) // Филологические науки. 1966. №3. –с. 35-41.
2. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. –М.-Л., 1964. 104 с.
3. Бацевич Ф.С. Референтная отнесенность имен субъектов и специфика проявления глагольного действия // Филологические науки. -1990. №5. -С.30-35
4. Берков В.П. О словарях XXI века (из лексикографической футурологии) // Мир русского слова. –Москва, 2000, №3. -С.65-69
5. Виноградов 1948 - Виноградов В.В. Синтаксические взгляды проф. А. В. Добиаша. „Ученые записки МГУ. Труды кафедры русского языка“, кн. 2, вып. 137, 1948, стр. 3—30
6. Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. –Саратов: СГУ, 1981; Гайсина Р.М. Валентностные и сочетаемостные характеристики устойчивых глагольно-именных сочетаний (со значением отношения). -Уфа: БГУ, 1983
7. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. -М.: Наука, 1972. - 213 с. [Katsnelson S.D. Typology of language and speech 1 thinking. -М.: Nauka, 1972. - 213 p.]
8. Кацнельсон С.Д. О грамматической категории // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы, №2, 1948. -132 с.
9. Кацнельсон С.Д. К понятию типов валентности // ВЯ, 1987, № 3. -С.21-37.
10. Илькив Н.В. Аспектуальная иррелевантность глагольных действий в современном немецком языке (на материале глаголов чувствования) // Сравнительная типология родного и германских языков. -Калинин, 1980. –С.45-54. Канеко Ю., Петрухина Е.В. Аспектуальная семантика в глагольных системах русского и японского языков (сопоставительный анализ фрагментов языковой картины мира) // Вопросы языкознания. 2004, №4.-С.19-34. Падучева Е.В. Аспектуальная специфика глаголов с актантом // www.seelrc.org / glossos / issues -Kalinin, 1980. -S.45-54.
11. Каримжонова В. Ўзбек тили даўринкелишикли бирикмалар семантикаси. Филол.фан.номз...дис. автореф. -Тошкент, 1994. -24 с.
12. Кибардина С.М. К истокам теории валентности в немецком языкознании XIX века // Грамматические концепции в языкознании XIX века. –Л.: Наука, 1985. –С.181-210.
13. Курбонова М. Фитрат – тилшунос. –Тошкент: Университет, 1996. -22 с. [
14. Лавошникова Э.К. О «подводных камнях» в компьютерных системах проверки правописания // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. –2002, №6.-С.151-163. Левин В.И. От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован

- А.Платонова – пример ненормативного использования валентностей слова) // [http:// valentnost. ru.](http://valentnost.ru)
15. Moskalskaya O. Grammatikderdeutschen Gegenwartsprache. –М., 1971. – 352 s.
 16. Нетьматов Х., Сайфуллаева Р., Курбонова М. Ўзбек тили структурал синтакисиси асослари. –Тошкент, 1999. -112 с.
 17. Ольшанский И.Г. Парные сочетания слов современного немецкого языка. Автореф. дис... канд. филол. наук. -М., 1966. -17 с.
 18. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. –М.,1958. –С.536.
 19. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 1-ое изд. –М.: Учпедгиз, 1938, 452 с.
 20. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса.- М.: Прогресс, 1988. -656 с.
 21. Расулов Р. Ўзбек тилидаги холат феъллари ва уларнинг облигатор валентликлари. - Тошкент: Фан, 1989. -142 с.
 22. Садыкова Р.З. Валентность татарского глагола. Автореф. дис...канд. филол. наук.- Казань, 2013. Косицына Е.Ф. Семантические валентности глаголов зрения и способы их выражения. Автореф. дис...канд. филол. наук.-М., 2002. Шерифова Э.М. Валентностные характеристики глаголов движения в лезгинском и английском языках. Автореф. дис...канд. филол. наук.-М., 2009. Омарова Э. Валентность глаголов перемещения в английском, русском и даргинском языках (в религиозном дискурсе). Автореф. дис...канд. филол. наук. –Махачкала, 2016.
 23. Степанова М.Д. Проблемы теории валентности в современной лингвистике // ИЯШ. - 1973, №6. -с. 54-67.
 24. Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики. -М., 1968, Степанова М.Д. Проблемы теории валентности в современной лингвистике // ИЯШ. 1973, №6. Степанова М.Д. Теория валентности и валентный анализ (на материале современного немецкого языка). -М.: Высшая школа, 1973; Степанова М.Д. Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. –М.: Высшая школа. 1978.-250 с.
 25. Степанова М.Д. О внешней и внутренней валентности слова // ИЯШ. 1967, №3. Степанова М.Д. Словообразование и вопросы стилистики // Сборник научных трудов. Вып. 73. МГПИИЯ им. М.Тореза.-М., 1973
 26. Страхова В.С. Валентность в структуре сложноподчиненного предложения (по материалам сложноподчиненных предложений с придаточными дополнительными, определительными и причинными в русском, немецком и испанском языке). –М., 1972.
 27. Хакимов 1994, Мухамедова 1999, 2007, Миртожиев 2007, Шокирова 2009 - Хакимов Қ. Содда гапқолипли фразеологизмларда семантик валентликлар. Филол. фан. номз. - дис. автореф. -Тошкент, 1994. Мухамедова С. Ўзбек тилидаги йўналма ҳаракат феълларининг предикативлиги ва валентлиги. Филол. фан. номз. дис. автореф. – Тошкент, 1999, 22 б. Мухамедова С. Ўзбек тилида ҳаракат феълларининг семантик ва валентлик хусусиятлари. Филол. фан. д-ри...дис. –Тошкент, 2007, 325 б. Миртожиев М. Ўзбек тилида феъл валентликлари. –Тошкент: Университет, 2007. Шокирова Ҳ. Ўзбек тилида кесимлик категорияси:

- шахс актанги ва унинг нутқий воқеланиши. Филол.фан.номз...дис.автореф.-Тошкент, 2009.
28. Храковский В.С. Истоки вербоцентрической концепции предложения в русском языкознании // Вопросы языкознания, 1983. № 3. –С.110-119. [Khvakovsky V.S. The origins of the verbocentric concept of the sentence in Russian linguistics // Problems of linguistics, 1983. No. 3. - pp. 110-119]
 29. Цалкаламанидзе А.А. Семантико-синтаксические группы глаголов в узбекском языке. –Тбилиси: Мецниереба, 1987. – 128 с.
 30. Чумак Л.Н. Реализация культурного компонента значения на синтаксическом уровне // Мир русского слова, 2000, №2. -С.67-82.
 31. Bondzio W. Valenz, Bedeutung und Satzmodelle // Beitrage zur Valenztheorie. - Halle (Saale). – 1971. –с.200
 32. Erben J. Abrißder deutschen Grammatik. –Berlin. 1965. –S.231-236.
 33. Helbig G. Valenz, Semantik und satzmodelle // Deutsch als Fremdsprache (DaF). – 1976, №2. - S. 99-110
 34. Helbig G., Schenkel W. Wörterbuchzur Valenz und DistrbutiondeutschenVerben. – Leipzig, 1969. -136 s.
 35. Seidel K. Aspekte der Verbvalenz in Grammatiken des 12. Bis 17. Yahrhunderts // Valenztheorie und historischeSprachwissenschafts. –Berlin, 1975. –S. 271-289.
 36. Tesniere I. Esquisse d une syntaxe struchrale. -Paris, 1953, s.250.
 37. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. -Düsseldorf, 1962. -S.223.
 38. Deutshe sprache. Kleine Enzyclopedia. -Leipzig, VEB Bibliographisches institut, 1983. – с.35.

Daxil olma tarixi : 29.04.2023.

Çapa verilmə tarixi : 15.05.2023.